
ФРОНТИРЫ ЕВРО-АЗИАТСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Пунченко О. П.*

В статье исследуется сущность глобализации как объективного социокультурного процесса, проявляющего себя в необратимости и комплексном характере изменений на различных уровнях социального бытия. Раскрывается содержание фронта как зоны встречи цивилизаций Китая и Европы. Эта зона раскрыта как противоречивая, неустойчивая, комплексная, многоаспектная, открытая, нелинейная, содержащая заряд динамической иерархичности, риска, социального хаоса, конфликтогенности. Проанализированы фронтиры в экономической, образовательной и демографической сферах социального бытия региона Евро-Азии. Анализ показал, что фронт как зона встречи Китая и Евросоюза разрушает линейный ход общественного развития последнего.

Ключевые слова: фронт, глобализация, Китай, Европа, инновация, мегастратегия, цивилизация, экономика, образование, демография, модель, социальный хаос.

The article investigates the essence of globalization as an objective socio-cultural process that manifests itself in the irreversibility, inclusiveness and complex nature of changes at various levels of social being. It reveals the content of the frontier as a meeting zone for the civilizations of China and Europe. This zone is revealed as contradictory, unstable, complex, multidimensional, open, nonlinear, containing reserves of dynamic hierarchy, risk, social chaos, conflict of genes. Frontiers are analyzed in the economic, educational and demographic spheres of the social being of the region Eurasia. The analysis showed that the frontier as a meeting zone of China and the European Union destroys the linear progress of social development of the latter.

Keywords: frontier, globalization, China, Europe, innovation, mega-strategy, civilization, economics, education, demography, model, social chaos.

Уходящее в анналы истории второе тысячелетие развития человечества завершилось вступлением его в эпоху многоаспектной и многомерной глобализации, вызвавшей к жизни нарастающее напряжение за счет обнажения новых противоречий во всех сферах его жизнедеятельности. Катализатором развертывания глобализационных процессов стал распад СССР, что развязало руки США в формировании однополярного мира с американской спецификой, устоями американского образа жизни. И в идеологических доктринах этой страны Дж. Маклином, Р. Робертсоном, Ф. Броделем, И. Валлерстайном и другими разрабатывается кон-

* Пунченко Олег Петрович – д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой философии и истории Украины Одесской национальной академии связи им. А. С. Попова. E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua; oleg.petr02@rambler.ru.

цепция глобализации, где этот процесс репрезентирован как один из этапов развития капиталистического общества, к которому будет идти человечество.

Однако упиваться позитивом глобализации нельзя, это сложный и противоречивый процесс. С этих позиций А. И. Зеленков в статье «Блеск и нищета глобализации» артикулированно выстраивает векторы позитивного и негативного развития глобализационных процессов [Зеленков 2013: 11].

Современная практика показывает, что в новой глобализирующейся картине социального мира идет столкновение цивилизаций (С. Хантингтон), столкновение культурно-цивилизационных систем (А. Н. Чумаков). В. Г. Воронкова пишет, что «глобализация влияет на распад устойчивых социальных связей, в результате чего усиливаются иммиграционные тенденции, неадаптивность современного человека к вызовам современности, что приводит к росту дестабилизации современного социума, падению жизненных стандартов, социально-психологической дезадаптации современного человека» [Воронкова 2016: 227].

Анализируя современные глобализационные процессы, участник Давосского экономического форума 2017 г. А. Б. Чубайс утверждает, что в «экономике ничего катастрофического не происходит, альфой здесь выступает глобальная политическая катастрофа».

В конце XX – начале XXI в. глобализационные процессы меняют свой вектор и смысло-соразмерное содержание (термин М. Хайдеггера) в связи с выходом на историческую арену Китая в его новом политическом и социально-экономическом качестве.

Проанализировав сущность развивающихся в современном мире процессов глобализации, китайские лидеры утвердились в идее, что «глобализация проявляет себя в необратимости, всеохватности и комплексном характере изменений, приводящих к становлению глобализационной сети взаимодействий на различных уровнях социокультурной системы» [Анохина 2014: 152]. И сегодня Китай смотрит на проблемы глобализации сквозь призму объективных тенденций ее развития, мыслит глобальными социально-экономическими категориями, определяя аттракторы ее движения с учетом неизбежных флуктуаций. На мировой арене Китай постепенно превращается в лидера глобализации, успешно интегрируясь в этот процесс и при этом тесня США. В этом аспекте, ведя речь о двух полюсах глобализации – Китае и Соединенных Штатах, Р. Шапиро утверждает, что и сегодня, и при жизни следующего поколения (здесь Шапиро ошибается в своих прогнозах, поскольку он не был знаком с мегастратегией «Шелковый путь-2») из двух полюсов ведущая роль будет принадлежать США, несмотря на то, что сегодня Китай получает больше пользы от глобализации, чем другие развивающиеся страны, хотя даже относительные человеческие и природные ресурсы многих стран конкурируют с китайскими. Но политическая приверженность Китая к глобализации больше, в особенности в крайней открытости прямым и зарубежным инвестициям [Шапиро 2009: 278].

Второе десятилетие XXI в. взволновало мир стратегическими идеями лидерства Китая во всех сферах мирового развития. Следуя алгоритму США, выделивших 10 мегатрендов развития страны, Китай выделил 8 Столпов развития своего общества. «Каждый из Столпов исследует одну из реформ, взаимодействие которых рождает новое целое. Никто не может предсказать, каким в итоге станет Китай – каким будет новое общество, которое развивается на наших глазах! Китай

переправляется через реку, нащупывая “камни”» [Нейсбит Дж., Нейсбит Д. 2012: 164]. Альфой и омегой этих Столпов выступает освобождение разума нации от укоренившихся догм мышления, связанных с развитием экономики, финансовой системы, науки, образования, культуры, и внедрение инноваций в преобразование этих сфер.

Реализация этих реформ сегодня проявляется в следующем:

– во-первых, в неповторимом сочетании элементов развития капиталистической системы и идеалов социализма. Экономические отношения – рыночные, и государству здесь отводится главенствующая функция в их формировании и развитии. Социальный же дискурс, связанный с построением социализма и определяемый Коммунистической партией Китая, – идейный. Он аккумулирует в себе все то, что идет на благо построения среднезажиточного общества;

– во-вторых, в построении инновационного общества, предусматривающего формирование двух цивилизаций – материальной и духовной.

Проанализировав развитие США после 1974 г. (когда информационное производство составило 51 %, потеснив материальное), в Китае обнаружили, что с этого момента увеличилась инфляция доллара и стал расти финансовый долг этой страны, который сегодня составляет 20,5 трлн долларов, и осознали, что производство информации и развитие информатизации – процессы идеальные. Они должны отражать финансовую обеспеченность репрезентируемых материальных продуктов. И негатив приоритета формирования информационного общества на Западе и в США Китай усмотрел в снижении роста материального производства перед информационным. Поэтому в КНР сфере материального производства уделяется особое внимание. Инновации в науке, технике, образовании больше преломляются через потребности этой сферы.

Для внедрения своих идей в практику общественного развития Китай разработал и анонсировал осенью 2013 г. мегастратегию «Шелковый путь-2» («Один пояс – один путь»), которая предстала не только как концептуальная модель геополитической интеграции Китая со странами Европы, Ближней и Средней Азии, а также северными странами Африки, но и как инструментальная модель этой мегастратегии, предусматривающая много проекций. Она включает в свое смысло-соразмерное содержание инвестиционное, финансовое, инфраструктурное, инновационное и социокультурное измерения. Концептуальная и инструментальная модели «Шелкового пути-2» репрезентируют его как сильную, детерминирующую, уникальную, надежную, вариативную систему, цель которой – охватить вышеотмеченные страны единым социально-экономическим сотрудничеством на началах, принципах, законах и требованиях международного права, демократии, взаимоуважения с учетом ментальности, конвенциональности и толерантности национальных культур.

Реализация этой мегастратегии очень выгодна экономике и культуре Китая, поскольку она укрепляет его имидж на международной арене. В то же время эта стратегия будет выгодна и странам «Шелкового пути-2», особенно для их инфраструктуры и отраслей обрабатывающей промышленности, усилит связи между странами.

Анализ задач и перспектив развития КНР в призме реализации этой мегастратегии позволил Си Цзиньпину заявить на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.), что страна вошла в новую эру, которая сулит ей центральную роль в мире и лидер-

ство в глобализационных процессах. Последнее было подчеркнуто и на Давосском экономическом форуме Чжан Цзюнем, который заявил, что «раз уж требуется, чтобы Китай играл роль лидера, то мы должны взять на себя эту ответственность» [Сухарева 2017], несмотря на то, что он нарушает одну из восьми заповедей Дэн Сяопина, а именно – «никогда не становиться лидером».

Но одно дело иметь сильную глобализационную мегастратегию «Один пояс – один путь», опирающуюся на мощный внутренний инновационный потенциал, – это теоретический конструкт евро-азиатской глобализации, без которого обойтись нельзя, одна ее сторона. Вторая же, практическая, связана с выбором форм внедрения мегастратегии в финансово-экономическую и социально-культурную жизнь европейского региона. Встреча цивилизаций Востока и европейского региона – это не процесс их братания, а процесс жесткого наступления Востока на совокупность жизненных устоев Запада, что заставляет последний удерживать эти устои за счет внедрения различных защитных сооружений, которые должны ограничить горизонты наступления Востока. Пространство их встречи (а лучше – зона) и есть фронтир.

Понятие «фронтир» было внедрено в историческую науку США Ф. Дж. Тернером, который, исследуя продвижение завоевания территорий Соединенных Штатов от Атлантики к берегам Тихого океана, обозначил фронтир как границу между освоенными и свободными землями и считал, что это «точка встречи дикости и цивилизации» [Ridge, Billington 1980]. Фактически это период XVII–XIX вв., а ведь это встреча не просто дикости и цивилизации, а различных цивилизаций до и после открытия Колумбом Америки, их контакт. Ведь известно, что до открытия Америки на ее территории формировались цивилизации, которые осели не только в Северной, но и в Южной Америке, что убедительно обосновал М. Галич. Это цивилизации «ацтеков, майи, инков, алеутов, хопвелов, хохокама, аденов, ольмеков, тотонауков, алконгинов, омаху, мешиков, анауков и другие» [см.: Галич 1990], созидательный гений которых и сегодня остается еще загадкой.

Однако эта ремарка не уменьшает заслуги Ф. Дж. Тернера, поскольку для американской истории фронтир – это зона наиболее быстрой и эффективной американизации жизненного пространства, где первооткрывателем, несущим цивилизацию, является торговец, вступающий в систему экономических отношений с людьми, проживающими на территории за фронтиром (границей, зоной), и завывывающий их пространство экономически.

Подходов к обоснованию сущности фронтаира достаточно много. Так, Р. Биллингтон определяет фронтир как «географический регион... где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального и экономического статуса мелких собственников» [Billington 1991]. С позиций встречи различных культур исследует содержание фронтаира И. Я. Левяш. Он пишет: «В современном смысле фронтир – это взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» [Левяш 2016: 194].

Новый подход к исследованию сущности фронтаира обнаруживается у Н. Ю. Замятиной, которая утверждает, что фронтир – зона особых социальных условий, а не граница территории, находящаяся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной его жителями, а «зона не-

устойчивого равновесия... существующая по своим собственным зыбким законам» [Замятина 1998: 77, 81].

Применительно к процессу евро-азиатской глобализации фронтир как неравновесная структура таит в себе заряд обостренности противоречий, неустойчивости, динамической иерархичности, риска, социального хаоса, конфликтогенности. Эта структура претерпевает глобальные трансформации, которые и должны уравновесить фронтир. В зоне фронта кроются корни финансово-экономических, политических, социокультурных интересов противоборствующих сторон, которые и обнаруживаются через развитие различных форм конфликтов и столкновений. В зоне фронта Восток и Запад предстают как открытые самоорганизующиеся системы, встреча которых нарушает линейный ход их развития в масштабе их цивилизационного бытия. В этой зоне фрактально выражается нелинейность развития данных цивилизаций, поскольку и задачи у каждой из них различны. У фронта своя логика развития: чтобы противостоять Востоку в зоне фронта, Запад вынужден строить различные защитные сооружения. Зона фронта евро-азиатской глобализации – это еще и зона обмана, грабежа, финансовых подачек, авантур, в которой целенаправленно формируется социальный хаос. Он амбивалентен, поскольку зависит как от целей и ценностей Востока, так и от возможностей Запада позитивно для себя отреагировать на глобализационные процессы Востока. Привести этот социальный хаос в порядок может только цивилизация, вызвавшая его к жизни и позитивно отстаивающая свои интересы. Для противоположной стороны будет характерен «сценарий выживания, когда горизонт предсказуемости много меньше времени пребывания в зоне кризиса... или... стратегия пассивного поиска – встречи, в которой используются свойства перемешивания в хаотической среде» [Буданов 2009: 84].

Несомненно, фронтир – это комплексная, многоаспектная, многогранная, открытая, нелинейная, конфликтогенная зона, выступающая как «вещь в себе». В евро-азиатских глобализационных процессах это еще и особая зона риска, которую «можно оценить как долю “плохого” в “хорошем”» [Сосновский 2004: 68].

Но сумеет ли в этой сложной, противоречивой зоне западная цивилизация противопоставить Востоку фундаментальные защитные сооружения своей идентичности, найти ключевые факторы самореализации, саморазвития, самовосстановления как системы или будет балансировать на краю финансово-экономического и социокультурного хаоса?

В своей концепции «Шелковый путь-2» Китай уподобился хитрому лису, выдавая ее за проект евро-азиатской интеграции. Но это не проект, поскольку последний необходимо прописать по пунктам с учетом интересов обеих сторон. К тому же этот проект калейдоскопически меняет содержание, исходя из своих принципов, что позволяет рассматривать евро-азиатскую интеграцию как «мягкий» вариант глобализации по-китайски.

Известно, что вначале эта мегастратегия включала три пути – северный, центральный и южный (морской). Сегодня появился Северный морской путь (способом аренды в России пути через Ледовитый океан), а также расширяется центральный – через развитие инфраструктуры в регионах, выводящих Китай к устью Дуная, а далее сразу в семь стран Евросоюза (не считая Украину и Молдову).

Однако расширение экономических путей – это еще и расширение фронтиров. Попробуем кратко проникнуть в сущность фронтиров евро-азиатской глобализации.

Фронтиры в экономической сфере

Поставленная задача – взять на себя лидерство в глобализационных процессах – требует от Китая реорганизации как внутренних, так и внешнеэкономических связей. Это основа успешной конкуренции китайского социализма с западной моделью общественного развития. Главная особенность новой мегастратегии Китая заключается в том, что в ней строго действует запрет протекционизма, она направлена на расширение связей, особенно со странами Евросоюза. И если экономика – это океан, от которого нельзя отгородиться, то за 23 столетия Китай научился хорошо в нем плавать. Еще в начале III в. до н. э. эта страна воздвигла Великую стену протяженностью 4000 км и уже в конце этого же века, осознав, что стена – крах для экономики, открывала Великий шелковый путь-1, по которому вывозилась не только новация китайского текстильного производства – шелк, но также и новинки науки, техники, образования. Этот путь просуществовал почти двадцать столетий, и китайцы научились хорошо торговать, что Европе, России, Америке еще не было присуще.

Сегодня, чтобы ворваться в экономическое пространство Евросоюза, Китай начал широкую политику инвестиций в инфраструктуру евро-азиатских и северо-африканских стран. Он заключил соответствующие договоры (уже более 30) о присоединении той или иной страны к его мегастратегии. После заключения договора Китай начинает выделять достаточно много средств в виде инвестиций. Так, например, он инвестировал в строительство новых и ремонт старых дорог в Чехии 2 млрд долларов, что для чехов довольно серьезная сумма; в Северную Африку Китай принес технологию железных дорог; инвестировал средства в греческий порт Пирей, а сегодня он его уже выкупил; в Германию он отправляет по пути Китай – Москва – Минск – Варшава – Берлин еженедельно 5 составов с товарами, а ФРГ отправляет в КНР всего лишь один (она пока еще плотно завязана на США), не обращая внимания на фронт (зону встречи) экономик Китая и Запада. А этот фронт взрывоопасен, поскольку он формирует хаос в финансово-экономической системе Германии как ядре Евросоюза. И не зря, осознав глобализационный характер политики Китая, французский президент Э. Макрон 2018 год начал с визита в КНР. Сегодня Францию больше интересует Китай, нежели США, поскольку на Евро-Азиатском континенте Европа уже не является экономическим центром, как это было раньше. Сейчас ось достаточно уверенно и быстро смещается в Азию. И, находясь на одном континенте, европейцы не захотят оказаться в отдалении от этого центра. Сегодня между ЕС и Китаем осуществляется оборот на сотни миллиардов долларов, что способствует развитию евро-азиатской интеграции. Европа осознала, что отгородиться от надвигающегося прессинга китайской экономики различными защитными сооружениями уже невозможно, она опоздала, она бессильна, поэтому возникающий в зоне экономического фронта хаос может привести в порядок только Восток, что очень невыгодно США.

Опасность такого фронта, когда Европа станет зоной встречи Китая и США, американские экономисты осознали сразу. Видя, как Китай инвестирует финансы в страны Евросоюза, заваливает эти государства дешевыми товарами,

как растет признание юаня в качестве международной валюты (в декабре 2016 г. юань был признан МВФ в качестве запасной международной валюты), как усиливается инфляция доллара, США и Канада после саммита лидеров «Большой двадцатки», проходившего в китайском Ханчжоу в сентябре 2016 г., усмотрели в мегастратегии «Шелковый путь-2» притеснение их финансово-экономических интересов и ограничение продвижения американской демократии в Евро-Азиатском регионе. Это заставило США и Канаду в течение полутора месяцев после саммита подписать соглашения о торговле с Евросоюзом.

В экономической зоне встречи Европы и Азии Китай выигрывает у США тем, что его интересуют только финансово-экономические отношения. Он не вмешивается в систему политических и идеологических установок конкретной страны, то есть позволяет строить то общество, которое ей импонирует, но дает понять, что без внешнеэкономических связей его не построить. В отличие от США, Китай и на этом зарабатывает себе преференции. Если Соединенные Штаты увязывают в единое целое экономические, политические и идеологические интересы своего влияния на другие страны, превращая их в новые колонии глобализирующегося мира, то Китай демонстрирует свою форму демократии. Если он и дальше будет демонстрировать свою модель отношений со странами Евросоюза и эффективность своей концепции построения инновационной цивилизации и среднезажиточного общества, то это позволит ему справиться с главным вызовом современности – построением действенного многополярного мира. Главное условие конструктивного решения этой задачи – выигрыш Китая в экономическом фронтире Европы не только у Евросоюза, но и у США, которые, несомненно, предпримут попытки создания экономического хаоса в этом фронтире, так же как они сегодня создают хаос на нефтегазовом рынке Европы и России.

Фронтиры в сфере образования

К детерминирующим измерениям мегастратегии «Шелковый путь-2» относятся и социокультурное, поскольку комплексный характер евро-азиатской глобализации включает формирование единого «социокультурного пространства на основе широкого распространения телекоммуникаций и интеллекта, в результате чего исчезают национальные границы в области науки, образования, культуры, идеологии» [Нейсбит Дж., Нейсбит Д. 2012: 153]. Основу реализации этой задачи Дэн Сяопин возложил на Столп инновационного развития науки и образования и не ошибся. Когда он назвал науку и технику «первоочередным приоритетом», спрос на образование резко вырос. Стать инновационным лидером, построить две цивилизации – материальную и духовную, сформировать инновационное общество невозможно без коренной ломки старых устоев и старой методологии преобразования науки и образования.

Чтобы сделать Китай инновационной страной, еще в 2007 г. президент Ху Цзиньтао заявил, что необходимо:

«– повышать уровень образования в стране, обеспечивая качество и актуальность знаний;

– расширять возможности для самостоятельных инноваций... увеличить расходы на их поддержку и стимулирование...;

– создавать условия, способствующие инновациям, и воспитывать собственных ученых мирового уровня и бизнес-лидеров» [Нейсбит Дж., Нейсбит Д. 2012: 262].

Конструктивное решение этих задач требует прежде всего эмансипации, освобождения разума, освобождения мышления от старых форм развития науки и образования. В этом процессе необходимо опираться не на страх, а на доверие. Сегодня китайская культура в науке поощряет творческий потенциал, позволяет учиться на допущенных ошибках и охотно принимает ученых, рационализаторов с новыми проектами. Эмансипация разума в науке ослабила идеологический контроль, что дало больше свободы ученому и сразу же отразилось на росте инновационности в научной сфере.

С самого начала реформ в науке Китай ставил эксперименты, внедряя на практике эффективные инновации, которые охватили высокотехнологические отрасли, информационные технологии, биотехнологии, производство новых материалов, авиацию, космонавтику, морские производства, оборонную промышленность. Китай одним из первых бурно включился в развитие нанотехнологической революции, ее основных конвергентных составляющих – NBIC-технологий. Китай оказал большую помощь Белоруссии в становлении и развитии Парка высоких технологий. Сегодня примером их сотрудничества в этой области служит реализация индустриального проекта «Великий камень», предусматривающего «разработку и внедрение информационно-коммуникационных технологий и программного обеспечения как для внутреннего пользования, так и на экспорт, работы по 12 высокотехнологичным направлениям – от создания материалов для микро- и нанoeлектроники до авиационной и ракетно-космической техники... В 2016 г. экспорт услуг Парка высоких технологий составил 820,6 млн долларов... около 100 долларов на человека и позволил занять Беларуси лидирующие позиции в регионе Центральной и Восточной Европы» [Беларусь... 2017].

Такой пример сотрудничества с Белоруссией Китай вполне может репрезентировать в зоне фронта другим европейским странам как результат инновационного развития науки и образования.

Для того чтобы охарактеризовать фронтиры в образовательной реальности в условиях евро-азиатской интеграции, необходимо: во-первых, репрезентировать идеи и практику китайской инновационной политики в сфере образования; во-вторых, элиминировать недостатки Болонской системы образования, охарактеризовать складывающиеся противоречия в образовательных моделях как зону неустойчивого равновесия и интеллектуальных рисков, зону столкновения образовательных моделей Востока и Запада, порождающую для европейских стран свободу выбора конкурирующих моделей, а не навязывание им, без учета технического и финансового обеспечения, единственного прокрустового ложа – Болонской модели.

Для ответа на первое «необходимо» обратимся к идеям китайского руководства относительно роли образования в стране в эпоху реформ и построения двух вышеотмеченных цивилизаций. Исходя из аксиомы, что обучение является фундаментальным элементом быстро меняющейся жизни, лидеры страны пришли к выводу, что «нужно превратить Китай в страну, богатую человеческими ресурсами» [Нейсбит Дж., Нейсбит Д. 2012: 78], а это означает сделать КНР страной обучения. И сегодня уровень грамотности в Китае превысил 91 %. Убеденность

КНР в практической значимости образования и превращает эту страну в инновационное общество обучения. Образование – это ключевое условие для того, чтобы самому строить свою жизнь и быть полезным обществу, это тот самый ключ, который отпирает двери раскрепощению духа человека, двери свободы и справедливости. Именно образование закладывает фундамент инновационного развития всех сфер жизнедеятельности общества. Следовательно, сам фундамент должен быть инновационным. Инновационность – определяющий тренд развития новой модели образования, которая предстает как качественно новый уровень формирования инновационного типа мышления, развивающегося на основе креативной методологии и достижений современной науки. Важнейшим параметром инновационности выступает атрибутивность. Это означает, что инновации в образовании характеризуются сменой своего содержания, но лишь в тех границах, которые обуславливают их новизну, эффективность, потребности социума. С этих позиций инновации в образовании чаще регламентируются требованиями найти способ их «направленно изменить», «сконструировать», «сознательно воспроизвести», «построить в заданных параметрах и условиях», «реализовать и получить эффект».

С учетом основных параметров инновационности (атрибутивность, имманентность, детерминированность, стойкость, стабильность, уникальность) в Китае идет бурный процесс экспериментирования в образовании, предлагаются новые концептуальные и инструментальные модели его развития, выясняется на практике их эффективность и социальная значимость. Несомненно, это большое преимущество китайской модели образования. Поскольку современная система мирового образования носит трансграничный характер, то она является не только полем конструктивного взаимодействия стран, но и рынком противоборства предлагаемых моделей их развития. Это и стало фундаментом нового отношения к образованию в Китае.

Сложившаяся система образования в КНР раскрывает свой инновационный характер через формирование новой образовательной сети, охватывающей огромный спектр деятельности, начиная от министерства образования и ректоратов до всего преподавательского состава. Инновациями охватываются вся методология подготовки специалистов, использование технических и технологических средств образования.

В структуре образовательной системы Китая четко просматриваются две системы: массовое высшее образование через систему дистанционного образования и система подготовки элиты страны. Первая – дистанционная – доказала свою эффективность и необходимость развития, через эту систему сегодня готовится свыше 100 тысяч специалистов ежегодно.

Через вторую систему образования идет целенаправленный процесс подготовки элиты страны для всех сфер деятельности социума. В этих вузах не гонятся за количеством студентов и увеличением площадей, как это имеет место в Болонской системе: чем больше студентов, тем лучше вуз. В Китае наоборот. Так, ректор Цзилиньского университета Чжоу Цифэн заявил, что «наша цель состоит не в том, чтобы увеличить площади университета или привлечь больше студентов; мы хотим создать многоуровневый исследовательский комплекс и одновременно увеличить качество обучения и преподавания» [Нейсбит Дж., Нейсбит Д. 2012:

198]. Такие цели делают университеты флагманами инновационного развития страны, именно в их стенах формируются новые модели образования.

Второе «необходимо» связано с дистанцированием китайской модели от Болонской. Китай не копирует эту модель образования, видя в ней ряд изъянов. Путь развития образования Китая самобытен, он ни в коем случае не собирается присоединяться к ней. Если Болонская система утверждает о вооружении будущего специалиста методологией самостоятельного изучения предмета, то Китай ставит вопрос «по-старому» и исходит из принципа необходимости вооружить обучаемого системой не только информационных знаний, имеющихся в распоряжении общества, но и навыками, методологией непрерывного обучения, поскольку картина социальной реальности меняется быстро.

В предлагаемой китайской системе образования новые концептуальные и инструментальные модели тесно связаны между собой, обязательно проходят проверку на практике, доказывают свою инновационность, эффективность, открытость. Предлагаемая Китаем в ходе евро-азиатской интеграции новая модель образования имеет важное значение для развития образовательного процесса. Для Болонской системы возникновение нового визави (китайской модели образования) – факт нелицеприятный, поскольку открыто анонсируются ее недостатки. Для конкретных стран Европы это позитив, заключающийся в возникновении конкурирующей модели и свободе выбора одной из них. Но авторы Болонской системы (которая утверждена в 1999 г. и копирует многие положения системы образования Скандинавских стран 60–80-х гг. XX в. [Основные... 1984]) смогли унифицировать систему образования, этому способствовало становление и развитие Евросоюза. Однако процесс унификации образования несовместим с интеграционными процессами Востока и Запада, поскольку широко развернувшаяся глобализация в Европе формирует регионально-глобальный образовательный процесс – базу становления общества обучения, хорошо обоснованный в китайской модели.

Становление и продвижение китайской образовательной модели в качестве конкурирующей порождает фронт – зону встречи двух моделей образования. Столкновение этих моделей заставляет Болонскую систему искать пути автопоэзиса, то есть сохранения своей сущности и своего влияния на образовательный процесс в странах Евросоюза; определять устойчивые центры (аттракторы) эволюции образовательной системы, придавать ей заданную направленность с учетом ее саморазвития; создавать различные защитные сооружения в виде индигенизации, гибридизации и другие как ответную реакцию на угрозу утраты своей авторитарности.

Тем не менее встреча этих моделей образования – процесс объективный, закономерный, вызванный евро-азиатской региональной глобализацией.

Демографические фронтиры евро-азиатской глобализации

Известно, что одной из глобальных проблем человечества является демографическая. Катастрофический рост населения нашей планеты, на которой уже обитает 7,5 млрд человек, вызвал к жизни проблему «Великого переселения народов» [Чумаков 2017]. Эта проблема порождена рядом объективных и субъективных факторов глобализирующегося мира в целом. Сегодня нельзя отрицать, что неотъемлемой характеристикой глобальных изменений в мире выступают миро-

вой финансово-экономический кризис, экологические и климатические аномалии в глобальном масштабе, демографические диспропорции в структуре мирового населения, особенно вызванные к жизни взрывом политической, религиозной и военной нестабильности в арабо-мусульманском мире, давление сильных стран Америки и Европы на этот регион с целью приобретения в собственность их богатых полезных ископаемых, обнищание народов этого мира, безработица, социальный хаос. Это неизбежные реалии нового складывающегося миропорядка, негативные условия и факторы глобализирующейся социальной реальности. Реальности, которую можно оценить как нищету возможностей для формирования настоящего, гармоничного глобального мира.

Негативизм социального бытия человечества призывает его к перемене мест жизни. К объективным измерениям процесса «Великого переселения народов» арабо-мусульманского мира и отдельных стран Восточной Европы, в частности Украины, необходимо отнести: пространственно-географическую акцентуацию, вызванную субъективными стремлениями к улучшению жизненных условий; отказывание народам этих регионов в их специфической цивилизационной идентичности; внедрение в сознание народов этих регионов идеологическими средствами комплекса их неполноценности, отсталости, невозможности решения экономических и социокультурных проблем; недовольство народа внутренней политикой государства, неспособного обеспечить достойный уровень жизни на фоне процветания народов ряда стран Европы и Америки. Последние являются приоритетными, туда и направлена демографическая лавина.

Идея лавинообразного переселения народов арабо-мусульманского мира в Европу не нова. Взаимосвязь этих двух регионов имеет свои историографические корни. Если в XI–XIII вв. Крестовые походы на Ближний Восток (в Сирию, Палестину, Северную Африку) были организованы католической церковью под лозунгами борьбы против «неверных» (мусульман), освобождения Гроба Господня и Святой земли (Палестины), то XX век развернул эту ситуацию на 180 градусов, и теперь уже мусульмане организуют свой «культпоход» в Европу, опять же под религиозными лозунгами «борьбы с неверными» и завоевания Европы арабо-мусульманскими народами. Осознав невозможность военного захвата Европы, арабо-мусульманские лидеры стали искать новые формы осуществления своих идей. Об одном из таких сценариев покорения Европы «впервые было сказано, – пишет А. Н. Чумаков, – еще в 1974 г. алжирским политиком и главой государства Хуари Бумедьеном, который, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в частности, отметил: “Однажды миллионы людей покинут южное полушарие, чтобы проникнуть в северное. Уж конечно, не как друзья. Ибо они придут, чтобы завоевывать. И они завоюют вас тем, что населят северное полушарие своими детьми. Чрево наших женщин принесет нам победу”» [Чумаков 2017: 11].

И вот иммигранты, прибывшие в Европу по приглашению канцлера А. Меркель, осознали, что Старый Свет можно завоевать не только чревом мусульманок, но и чревом европейцев. Поэтому, поселившись в Европе, они занялись изнасилованием европейцев, что воинственно настроило против них не только немцев, но и шведов, французов, голландцев и другие европейские народы, которые стали отгораживать свои территории и отправлять эмигрантов в Германию, поскольку оттуда прозвучало приглашение и утверждение в Евросоюзе квот на их размеще-

ние. Отголоском такой политики явилось отношение немцев к выборам правящей партии, и уже более четырех месяцев в стране нет правящей коалиции, а по Конституции этой страны необходимо срочно проводить новые выборы, что, по крайней мере, невыгодно ни А. Меркель, ни гостям-иммигрантам.

В условиях такого демографического хаоса в Европу приходит Китай, и нельзя сбрасывать со счетов, что эта страна намерена заняться «окитаиванием» Европы. Он афиширует финансово-кредитное, инвестиционное, социокультурное измерения, но, придя в Европу, не собирается содержать арабо-мусульманский мир. К тому же Китаю не свойственен религиозный фанатизм, что нравится европейцам. Но факт остается фактом: демографический фронт между Китаем и арабо-мусульманским миром разыгрывается на территории Европы, в которой складывается еще больший социальный хаос. Воевать с Китаем этот мир не будет, он заранее осознает свой проигрыш. Но выиграет ли Европа от «окитаивания» населения – вопрос сложный. А сегодня в Китае остро стоит демографическая проблема.

Известно, что КНР активно занимается проблемой «окитаивания» приграничной зоны с Россией, тем более этот процесс здесь разворачивается после сдачи РФ части территории в аренду Китаю. И надо полагать, что мегастратегия «Шелковый путь-2», не афишируя демографическую проблему, ее игнорирует. А будущее наступает быстрее всяких демографических прогнозов. В современном мире 31 город имеет население более 10 млн человек, из них 20 расположены в евро-азиатской зоне. Из 20 городов – шесть китайских. Это Шанхай, Пекин, Чунцин, Гуанчжоу, Тяньцзинь и Шэньчжэнь. В арабо-мусульманском мире их три: Карачи, Стамбул и Каир, в Европе также три: Москва, Париж, Лондон [Доклады... 2017]. Крупные города притягивают мигрантов, поскольку в них сосредотачиваются основные средства страны. Поэтому пусть это будут не столь крупные мегаполисы в Германии, Франции, Италии, Греции, Швеции, Норвегии, Финляндии и других странах Европы, но мигранты знают, что основные средства стран сосредоточены именно в них.

Что же касается Китая, то, согласно данным ООН, на планете возник первый гигантский агломерат, население которого превышает 100 млн человек. Эту гигантскую агломерацию сформировал Шанхай, который включил в нее Нанкин, Ханчжоу и еще около 20 городов поменьше. И наивно полагать, что демографическая проблема в этой мегастратегии была проигнорирована. Несомненно, данный фронт как зона неравновесности, неустойчивости, нелинейного развития, социального хаоса, зона труднопрогнозируемых аттракторов ее движения станет для Европы дамочным мечом, висющим над ее перспективами свободного, независимого, экономически быстроразвивающегося и на этой основе гостеприимного региона мира. Как будет развиваться это «гостеприимство» в ближайшем будущем, покажет время.

Таким образом, мегастратегия «Шелковый путь-2», репрезентируемая Китаем как евро-азиатская интеграция, в своей сущности есть не что иное, как вариант региональной глобализации по-китайски. Этот вывод основывается на проведенном анализе фронтиров, складывающихся в экономической, образовательной и демографической сферах. Анализ показал, что фронт как зона встречи Китая и Евросоюза не просто нарушает, а разрушает установившийся ход общественного развития последнего. Эта «встреча» нарушает внутреннее содержание

и направленность развития европейской системы, представленной ее способностью сохранять свое «я» при соприкосновении с остальным социальным миром за счет способности к конструктивному внутреннему творческому развитию. Зона фронта нарушает линейный ход развития всех сфер жизнедеятельности Европы, отражает его нелинейность, характеризуется неустойчивостью, возникновением защитных сооружений, социальным хаосом, привносимым наступательной стороной, формированием в этой зоне нового миропорядка. Ближайшее будущее еще более наглядно обнажит содержание противоречий, складывающихся в евроазиатском фронтире.

Литература

- Анохина В. В. Культурная традиция в парадигмах современной философии. Минск : БГУ, 2014.
- Беларусь. Минск : Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен, 2017.
- Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
- Воронкова В. Г. Філософія інформаційно-комунікаційного суспільства: теоретико-методологічний контекст. Запоріжжя : ЗДІА, 2016.
- Галич М. История доколумбовых цивилизаций. М. : Мысль, 1990.
- Доклады ООН «Города мира в 2016 г.», «Перспективы населения мира». Б. м. : 2017.
- Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.
- Зеленков А. И. Блеск и нищета глобализации // Философия и социальные науки. 2013. № 3–4. С. 4–12.
- Левяш И. З. Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты // Диалог культур в эпоху глобальных рисков / под ред. А. В. Данильченко. Минск : РИВШ, 2016. С. 193–196.
- Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. М. : Астрель, 2012.
- Основные тенденции развития высшего образования в странах Северной Европы (70-е – начало 80-х годов) / под ред. А. М. Кулькина. М. : ИНИОН АН СССР, 1984.
- Сосновский Л. А. Риск. Золотое сечение. Гомель : БелГУТ, 2004.
- Сухарева О. Шелковый путь все увереннее становится на ноги [Электронный ресурс] : РИТМ Евразии. 2017. 10 февраля. URL: <http://finobzor.ru/show-31487-shelkovyy-put-vse-uverennee-stanovitsya-na-nogi-html>.
- Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2. С. 3–19.
- Шапиро Р. Прогноз на будущее. М. : АСТ: АСТ Москва, 2009.
- Billington R. A. America's Frontier Heritage. Albuguergue, 1991.
- Ridge M., Billington R. A. America's Frontier Story. A Documentary History of Westward Expansion. Huntington, NY, 1980.